

УДК 821.161.09-1

**СИНТЕЗ ЖАНРОВ КАК ПУТЬ К СОЗДАНИЮ ЛИТЕРАТУРНОГО
АПОКРИФА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗА Б. К. ЗАЙЦЕВА
«СЕРДЦЕ АВРААМИЯ»)¹**

А. В. Налобин

Литературный институт им. А. М. Горького
кафедра русской классической литературы и славистики

В статье рассматривается и объясняется синтез жанров как способ создания литературного апокрифа (на материалах рассказа Б. К. Зайцева «Сердце Авраамия»). Исследование показывает, что для создания авторского апокрифа писатели перерабатывали сюжеты из канонических произведений, признанных Православной Церковью, и перелагали их, прибегая к использованию литературных и фольклорных жанров, создавая оригинальную повествовательную канву, связанную с религиозно-духовным христианским мировоззрением. Цель статьи – объяснить влияние синтеза жанров на формирование феномена литературно-художественного апокрифа.

Ключевые слова: синтез, литературно-художественный апокриф, прототип, фольклор, волшебная сказка, агиобиография.

Феномен *литературный апокриф* обнаруживается в творчестве целого ряда русских писателей XIX – XX вв. (Ф. М. Достоевский, Н. С. Лесков, А. П. Чехов, И. А. Бунин, др.). Какие художественные возможности используют писатели для его создания, можно проследить на материале показательного в данном отношении произведения Б. К. Зайцева. Рассказ «Сердце Авраамия» (1926) относится к его агиографическому циклу, в который также вошли еще два произведения: «Преподобный Сергей Радонежский» и «Алексей Божий человек». «Сердце Авраамия» является ярким примером неканонического христианского сюжета, изложенного художественно. Главным героем его является русский православный святой Авраамий Чухломский – ученик Преподобного Сергия Радонежского. Отступая от житийного канона, писатель создает произведение, в котором сохраняется та внутренняя форма, которая позволяет читателю получить урок восхождения к святости и объяснить самому себе причины «нестроений» в его жизни. Художественное изложение жизни земного человека и подвигов галичского святого требует активизации приемов, которые компенсируют отсутствие обязательных для жанра апокрифа компонентов. Такого рода «включения» возможны благодаря обращению писателя к синтезу жанров [6, с. 175; 7, с. 24].

¹ Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации, соглашение 14.В37.21.1003 «Взаимодействие литературы и живописи и конвергенция жанровых форм в истории русской культуры».

Повествование начинается следующим образом: «Авраамий был крестьянином земли Ростовской. Смолоду силен, с рогатиной ходил на медведя, подымал четверть овса, вел хозяйство горячо, успешно – жил зажиточно. Но нелегко давалась жизнь, и мало радости в ней видел – по причине тяжести души. Казалось ему – все не так. Изба лучше у соседа, урожай богаче, а работает меньше. Другим мельник мелет правильно, его обвешивает. У других жены статные, красивые, а его Мария и худа, и бледна, и лицом не вышла. Он силен, а она слаба. “Все только норовит, как бы на мне выехать”» [4, с. 29]. Канонический же текст жития святого Авраамия открывается следующими словами: «Сей убо преподобный отец наш Авраамии, от юна возраста благоговеин сын, и милостив, и страннолюбив, и по премногу зело любляше Бога, и вся заповеди Его творяше, чистоту душевную, вкупе же и телесную, со всяцем опасением от юности соблюдаше и желаше конечно достигнути посническаго жития и где бы ему дойти мужа свята и любяща Бога, могуща его спасти и облещи во святей ангельский образ и поработати Господеви усердно» [3, с. 24].

Сравнивая начало канонического текста о жизни русского святого с процитированным отрывком, можно с уверенностью сказать, что Зайцев намеренно опрощает фигуру святого угодника, прославившегося своими многочисленными подвигами во славу христианской веры. В отличие от стиля житийной литературы, в тексте которой большая часть мирской жизни святого остается за рамками повествования, рассказ Зайцева с первых строк показывает Авраамия в образе обычного человека со своими грешными мыслями и заботами, что является видимым отступлением от его житийного первообраза и от житийного канона в принципе.

Автор рассказа заранее берет на себя миссию художника, воссоздавая психологический и житейски-бытовой портрет человека и исторической личности, которой открывается Вера, и служит он Богу так, что восходит к святости. Зайцев выстраивает повествование таким образом, что на страницах произведения постепенно вырисовывается картина духовно-нравственного становления героя и путь достижения им готовности к совершению подвигов во имя Веры.

Духовно-нравственное перерождение и возрождение героя начинается с момента смерти его жены. Чувствуя вину перед ней, Авраамий делает вывод, что искупить этот грех он сможет только в служении Богу: «Был он благочестив, молился и просил знамения. Но оно не являлось. Когда вконец опустылел дом, хозяйство, земледелие, то пошел к старцу пустынною, жившему в келийке, в лесах: старец ел одни ягоды, пил из ручья, имел длинную седую бороду» [4, с. 30]. Б. К. Зайцев намеренно, в отличие от канонического жития святого, не называет по имени старца, к которому Авраамий пришел за советом, чтобы не «подпирать» изначально этот путь его авторитетом. Читателю, знакомому с канонической агиографической литературой, известно, что старец этот – великий русский святой Преподобный Сергей Радонежский.

С данной встречи начинается духовный путь будущего русского святого. Описание странничества, предпринимаемого героем для очищения своей души от гнева и приближения ее к Господу, является художественным

приемом. Это плод его творческой фантазии, поскольку реальный прототип зайцевского Авраамия был учеником Преподобного Сергия, спасался вместе с ним в лесах Радонежа и был благословен учителем на устройство других монастырских обителей. Образ житийного Авраамия трансформируется из того, над кем пребывает ореол святого подвижника, с одной стороны, напоминая о традиции русского странничества, а с другой – погружая нас в эпоху, когда в культурной атмосфере насущным был поиск истины, Веры, Бога. Апокрифичен и образ старца, советующего Авраамию пойти странником по земле Русской: «Походи по миру, послужи Богу, коли даст тебе *размолоть сердце*, то найдешь себя» (выделено мной – А. Н.) [4, с. 30]. Этот короткий диалог раскрывает облик старца, отличающийся от образа настоящего святого. Как известно из жития, юный Варфоломей (будущий Преподобный Сергий) удаляется в пустыню, чтобы спасти свою душу и плоть от мирских соблазнов, тем самым приближаясь помыслами своими и духом своим к Богу [5, с. 4].

Также стоит отметить, что мотив странничества, популярного в народной среде, выбран автором не случайно, ведь Иисус Христос со своими учениками тоже странствовал по Иудее, проповедуя Истину. Так, Н. А. Бердяев пишет о важном значении странничества в сознании русского народа: «Странник – самый свободный человек на земле. Он ходит по земле, но стихия его воздушная, он не врос в землю, в нем нет приземистости. Странник свободен от «мира», и вся тяжесть земли и земной жизни свелась для него к небольшой котомке на плечах. Величие русского народа и призванность его к высшей жизни сосредоточены в типе странника. Русский тип странника нашел себе выражение не только в народной жизни, но и в жизни культурной, в жизни лучшей части интеллигенции. И здесь мы знаем странников, свободных духом, ни к чему не прикрепленных, вечных путников, ищущих невидимого града» [1, с. 262]. Философ говорит о «невидимом граде», подразумевая легендарный град Китеж, о котором в народе сложено немало апокрифических преданий, как о месте, где Царствие Божие уже наступило, но попасть туда могут только праведники, грешникам врата в этот град закрыты.

Старец напутствует главного героя на странствие по русской земле. Этим эпизодом автор предвещает читательское восприятие рассказанного как легенды, повествующей о поисках Авраамием духовного сокровища – божественной Истины. Не касаясь многих фактов о жизни святого, указанных в исторической и житийной (канонической) литературе, автор при этом добавляет в характер героя множество черт, отсутствующих в его реальном прообразе. В итоге литературный Авраамий значительно отличается от его и исторического прототипа. Можно смело констатировать тот факт, что персонаж по замыслу автора намеренно апокрифичен.

Встреча со старцем является для Авраамия отправной точкой для постижения им божественной Истины. Автор описывает духовные поиски в терниях мирской суеты: «Собирал на церкви, служил батраком, пошел, наконец, послушником в монастырь, заброшенный в лесах, у озера Чудского. Но, собирая на церковь, все гневался, как люди скупы. В батраках сердился, что на нем все счастье свое зарабатывают. Даже и в монастыре, где хлебы пек, служил в поварне и рубил дрова, – не мог успокоиться: не нравились ему монахи. Этот толст, другой только и думает, как бы посытнее поесть, а третий

притворяется, что молится» [4, с. 30]. Путь, совершаемый Авраамием, начинается с разных, вполне рядовых житейских испытаний. Душа будущего святого угодника еще не готова принять испытания с мудростью, свойственной истинному христианину, возмущение (гордыня и стремление осудить другого) гнездится в ней, поэтому Авраамий ропщет.

Жанровые границы рассказа, как видим, расширяются благодаря включению *психологического* плана – изображению внутренней жизни героя, что отсутствует в каноническом житии. Автор указывает на то, что Господь милостив не только к людям святой жизни, но и заботится о самом последнем грешнике, вставшем на путь исправления и пытающемся прийти к Богу. Господь внял молитвам Авраамия и привел его к часовне, где им была обретена икона Богородицы: «Пал на землю под кустом высоким, можжевельником, и зарыдал. <...> Авраамий прошел к часовенке, и жутко ему стало, дух захватило. Никого в ней не было. Зброшена, пустынна. Ласточка легко стрекнула из-под кровли. Сырость, тишина. Войдя, увидел Авраамий потемневшую икону Богородицы. Стал на колена, помолился. Точно бы полегло» [4, с. 31].

В ткань повествования вводятся *сказочные* помощники («серенький зайчик» [4, с. 31], приведший героя к иконе), в некотором смысле синонимичные чудесным явлениям в преданиях и легендах и дополняющие лирико-эпический план повествования. В процитированном фрагменте взаимообусловлены психологический, легендарный, сказово-сказочный планы, вместе напоминающие и иллюстрации детских книг, и выразительные полотна М. Нестерова и П. Корина, и иконы с житийными клеймами, благодаря чему приведенный эпизод воспринимается кульминацией истории о духовном перерождении главного героя. С этого момента Господь становится проводником его на пути к праведной жизни, и для Авраамия заканчивается странническая земная мирская жизнь и начинается духовное обновление во имя жизни во Христе.

Фольклорно-сказовые интонации усиливают значимость чуда и апокрифический смысл данного повествования. В традиции агиографической литературы есть сюжеты, описывающие явление ангелов святым, присланных Богом для их наставления или оказания им помощи в сложных для них жизненных ситуациях. Люди, не достигшие духовного просветления, не могут лицезреть посланников свыше, так как Истина божественного откровения доступна только избранным. Этими посланниками не могут быть существа из животного мира, так как это противоречит не только новозаветным, но и библейским канонам вообще.

Согласно библейской истории, человек был поставлен Богом выше сотворенной Им природы, поэтому растительный и животный миры находятся в его полном подчинении. Факт явления Авраамии божьего посланника в виде говорящего зайца, приведшего его к старой часовне, где тот обретает икону Богородицы, указывает на явное нарушение повествовательных канонів житийной литературы и превращает рассказ в апокрифическое сказание. Несомненно, будучи художественным произведением, соединяющим в себе традиции агиографической литературы (агиобиография) и волшебной сказки, истоки которой лежат в фольклоре, рассказ через синтез жанров не только

создает литературный апокриф, но насыщает его лирическим пафосом и эпической семантикой. Писатель намеренно стилизует свой рассказ под произведения древнерусской словесности, в текстах которых естественно сочетание элементов христианства и славянского фольклора. Знаменитый русский филолог Ф. И. Буслаев дал определение подобному явлению в древнерусской литературе: «В среднем периоде, который характеризуется двоеверием, поэзия смешанная, или двоеверная, служит необходимым историческим переходом от мифологической к собственно христианской» [2, с. 4].

Примечательно также в рассказе явление герою Богородицы, направляющей его на путь спасения: «Увидал покойную жену, в чертах лица ее что-то напомнило лицо на иконе. Так что Авраамий и не разобрал, то ли это Мария, которую он так теснил и упрекал при жизни, то ли иная. Но она ему сказала: «Утром ты возьмешь икону, спустишься с ней к озеру и переплывешь через озеро с иконой. Снесешь ее в монастырь, где жил послушником. Довольно ей находиться здесь» [4, с. 31]. Зайцев соединяет в образе Богородицы черты лица умершей жены Авраамия Марии и иконописного лика, что напоминает герою о женском покровительстве в деле спасения его души от козней врага рода человеческого. Из канонического жития известно, что святому Авраамии в его борьбе с язычеством покровительствовала сама Богородица, благодаря его истинной вере во Христа и желанию распространить Его учение во тьме предрассудков и жестокости Средних веков. Этот мотив писатель не оставляет без внимания и в своем рассказе.

На всем протяжении рассказа в его повествовательной канве встречается значительное число апокрифических черт, о которых уже было сказано выше. Благодаря расхождению его фабулы с каноническим житием святого Авраамия и присутствию в нем разного рода иных жанровых примет и стилизаций, рассказ становится литературным апокрифом [8, с. 5]. Но в отличие от многих художественных апокрифов, созданных в русской литературе на рубеже XIX и XX вв., рассказ Б. К. Зайцева идентичен апокрифам, сочиненным в народной среде и прославляющих подвиги христианских святых.

Завершается легенда об обретении святым Авраамием своего духовного пути следующим образом: «Так, по томлению, молитвам и по состраданию умер прежний Авраамий и явился новый. (В данном случае речь идет о художественно воссоздаваемом пути героя, приводящего его к святости. Озеро является символом этого пути. Авраамий покидает суетный житейский берег, чтобы достичь брега духовного – А. Н.) А на озере до наших дней осталась светло-серебристая струя, проведенная таинственной лодкой, где родилось новое сердце Авраамия» [4, с. 32]. Образ, вынесенный в заглавие, и завершает повествование, создавая таким обрамлением иконографический образ.

Список литературы

1. Бердяев, Н. А. Судьба России [Текст] // Сочинения / Н. А. Бердяев. – М. : Изд-во АСТ, 2007. – С. 242–448.

2. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности [Текст] / Ф. И. Буслаев. – СПб. : Изд-во «Общественная польза», 1861. – 662 с.
3. Дорофеева, К. В. Житие Преподобного Авраамия Галичского [Текст] / К. В. Дорофеева. – М. : Изд-во «Голос», 2011. – 55 с.
4. Зайцев, Б. К. Сочинения [Текст] : в 2-х т. / Б. К. Зайцев. – М. : Изд-во «Терра», 1993. – Т. 2 : Сердце Авраамия. Рассказы. – С. 29–32.
5. Житие Преподобного Сергия Радонежского [Текст]. – М. : Московское Подворье Свято-Троицкой Сергеевой Лавры, 1998. – 12 с.
6. Минералова, И. Г. Русская литература Серебряного века. Поэтика символизма [Текст] / И. Г. Минералова. – М. : Наука, 1999. – 272 с.
7. Минералов, Ю. И. Сравнительное литературоведение [Текст] / Ю. И. Минералов. – М. : Высшая школа, 2010, – 381 с.
8. Татаринов, А. В. Литературные апокрифы как религиозно-философская проблема критики [Текст] / А. В. Татаринов. – Киев : ОИПЦ «Перспективы образования», 2006. – 148 с.

FUSION GENRES AS A WAY TO CREATE A LITERARY APOCRYPHA (BASED ON THE STORY OF “ABRAHAM'S HEART” BY B. K. ZAYTSEV)

A. V. Nalobin

Literary Institute “Maxim Gorky”

The department of classic Russian literature and slavik studies

The author reviews and explains the synthesis of genres in B. K. Zaytsev's story "Heart of Abraham" which is a literary and artistic Apocrypha. The study explains that for the purpose of creating author's apocrypha writers reworked plots from canonical works recognized by the Orthodox Church for their unquestioned authority (the events from the Bible and literature on the life of the saints) and retold them resorting to portraying literary and folkloric genres, i.e. synthesized them with other literary genres, creating in their original art space an original narrative line associated with the religious and spiritual, and in particular, Christian views. Purpose of the article is to explain the influence of the synthesis of genres on creation of the phenomenon of literary and artistic apocrypha.

Keywords: *synthesis, literary apocrypha, prototype, folklore, fairy tale, agiobiography.*

Об авторах:

НАЛОБИН Александр Волеславович – аспирант кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (121170, Москва, Тверской бульвар, д. 25), e-mail: alexander-nalobin@yandex.com